

12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; Пер. с нем. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 3.
13. Хайдеггер, М. Учение Платона об истине / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления; Пер. с нем. В. В. Библихина. — М., 1993.
14. Хант, Г. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / М. Хант; Пер. с англ. А. Киселева. — М., 2004.
15. Языки как образ мира. — М.; СПб., 2003.

Пелипенко А. А.

Психический образ как компонент формирования смысла

Статья посвящена теме сопряжения нейрофизиологических и ментально-когнитивных аспектов смыслообразования как основы культурогенеза. В контексте смыслогенетической теории культуры, которую автор разрабатывает на протяжении ряда лет, рассматривается значение межполушарной церебральной асимметрии, режимы перцепции и когнитивные технологии, образующие ментальные структуры культурного сознания. Трактую начала человеческой когнитивности как реакцию психики на «эволюционную болезнь» антропогенеза — травматическое отпадение от всеобщей холономной связи, автор в тезисном виде выводит общую формулу смыслогенеза и раскрывает роль образа в этом процессе. При этом ставится проблема когнитивных и нейрофизиологических условий формирования этого образа.

Ключевые слова: смыслогенез, образ, когнитивные технологии, межполушарная церебральная асимметрия, психический образ, всеобщая холономная связь.

Прежде всего, необходимо пояснить, в каком значении в контексте психического образа употребляется понятие *смысл*. Исходя из общих положений смыслогенетической концепции, которую автор разрабатывает на протяжении последних пятнадцати лет, смысл понимается как **дискретное психическое состояние, выраженное в кодах**.

Именно *смысл* как синкретическое образование, включающее в себя не только семантическую составляющую, но и экзистенциальный и генетический компоненты, является *первичным «атомом» культурного сознания и «клеточным материалом» самой культуры*. Именно способность к порождению смыслов (а не знаков!) выступает принципиальным отличием человеческого сознания от психики животного.

В короткой статье невозможно развернуть обоснования этих постулатов. Остановлюсь лишь на одном моменте — *формировании психического образа в процессе смыслообразования*.

Среди эволюционно-психических предпосылок пробуждения способности к смыслообразованию ключевую роль играет межполушарная функциональная асимметрия (МФА). Проблема МФА (поднятая в последней трети прошлого века) требует несколько более подробного освещения.

Симметрия как таковая выступает универсальным структурообразующим принципом, который обеспечивает *само полагание разрозненных феноменов в единую онтологическую модальность*, в которой, в свою очередь, осуществляется полагание и группировка любых оппозиционно оформляемых различий. В космологических и биологических системах это симметричное полагание носит по отношению к материальным объектам характер *внешнего закона и универсальной упорядочивающей формулы*, в определенном смысле трансцендентной «физическому» материалу, хотя и проявляющейся как бы изнутри его самого. «Упаковываясь» в структуры человеческого мозга, принцип *сочетания морфологической симметрии* (в самом общем, понимается, виде) и *функциональной асимметрии становится правилом организации психики и конфигуративным принципом формирующейся человеческой ментальности*. Таким образом, симметрично-асимметричные отношения, определяя сложнейшую диалектику человеческого сознания, оказываются связующим мостом между биосистемой и культурой, где их предметом выступают уже не только интериоризованные внутрь культурного пространства объекты — образы — природного континуума, но и мир *дискретных смысловых и артефактуальных феноменов*.

Становясь принципом мышления, симметрия задает такую апперцепцию пространства (или плоскости как его модели), где изначально полагается

определенная связь смысловых элементов, пребывающих в *единой онтологической модальности*. При этом важно, что симметричные отношения, вернее, сложная конфигурация симметрично-асимметричных отношений, воспроизводясь на уровне **самой морфологии** мозга и, соответственно, психических структур, **априорна** по отношению ко всякому культурно-смысловому опосредованию. Симметрично-асимметричные структурные отношения предшествуют любой семантике и никоим образом из нее не выводятся. Можно сказать, что акт смыслополагания начинается с бессознательного и до-семантического установления самих топологических зон, в которые затем оказываются симметрично размещены элементы семантической структуры. Отсюда берет начало и конвертация фундаментального для любого эволюционного процесса принципа бинаризма в пространстве культурного смыслообразования¹. «Поэтому можно представить себе, что двухполосная система оппозиций, окрашенных эмоционально, “встроена” в самую организацию головного мозга» [б. С. 107]. Эта встроенность недвусмысленно указывает на то, что принцип бинаризма не условное эпистемологическое изобретение человеческого сознания и не продукт его развития на каком-либо этапе. Бинаризм имманентен Вселенной в целом: и микро- и макрокосму. Речь может идти не о периодах или ситуациях, когда этот принцип отсутствует вовсе, а о реконструкции истории его самообнаружения в структурах человеческой ментальности и, соответственно, культуры. Так, если эпоха ясных бинарных классификаций на основе новообретенных способностей мышления к абстрагированию наступила лишь в верхнем палеолите, то из этого не следует, что до этого бинарных оппозиций не было вовсе.

Итак, *принцип симметрии подготавливает ниши для бинарного смыслополагания*. Первичным импульсом для него выступает эмпирическая дискретность элементов той или иной пары. Далее, чем семантически конкретнее (дискретнее) какой-либо из элементов оппозиции, тем определеннее его симметричное соотнесение с элементом-носителем противоположных (асимметричных) качеств, кои при симметричном единстве онтологии служат каналом вычленения противоположного элемента оппозиции, его семантизации и включению в смыслогенетические цепи. Симметричная разбивка смыслового пространства на сегменты и уровни вкупе с симметричным же зонированием каждого из этих уровней — первичное условие смыслополагания, преодолевающего хаотическую с позиции «выпадающей» из природы формирующейся человеческой психики гетерогенность среды.

Благодаря интериоризации симметрично-асимметричной диалектики в пространство нейрофизиологической активности и, соответственно, когнитивных практик, человеческая ментальность приобретает *внутрисистемное напряжение, неравновесие*, а следовательно, и способность (и необходимость) к *имманентному саморазвитию*². Импульс к развитию системы как целого, таким образом, исходит изнутри системы, тогда как ответом на внешние вызовы среды можно объяснить только изменения в тех или иных локальных подсистемах. Тот же закон действует и в культурных системах, ибо их онтология в целом *гомоморфна* структуре ментальности, а микроуровень (ментальность субъекта) и макроуровень (культурная система) связаны между собой *фрактальными отношениями*.

¹ «Отвечая на вопрос, поставленный... раньше, суть ли бинарные оппозиции только социально предопределенные особенности человеческой психики, или они могут быть наследственно детерминированы у человека, мы приходим в итоге всего сказанного к необходимости признать правильным второе предположение» [1. С. 255]. Остается добавить, что эта «наследственность» простирается далеко за пределы ближайших предков на генеалогическом древе антропогенеза.

² В области психологии еще К. Левин детально аргументировал положение о том, что двигателем, причиной течения психических процессов не являются ни ассоциации, ни привычки, ни опыт, ни детерминирующая тенденция, ни свойственное раздражению притяжение к определенным реакциям, ни преобразования и новообразования целостной деятельности. Таким образом, причиной психических процессов является внутреннее напряжение психической системы (см.: [23. Р. 51]).

МФА, таким образом, создавая эволюционную интригу цефализации в ходе антропогенеза, **выступает источником внутреннего напряжения в нейродинамической, психической и ментальной сфере. Именно это внутреннее (имманентное) напряжение и создает ту несвойственную животным полемику право- и левополушарных когнитивных паттернов, которая и оказывается лоном рождения СМЫСЛА.**

Еще до открытия Р. Сперри [26] было замечено, что центры речи локализируются преимущественно в левом полушарии и даже закреплены в нем генетически, тогда как правое отвечает за целостно-образное восприятие. Впрочем, сейчас представления о разделении функций между полушариями усложнились и углубились. Представления о голографическом устройстве мозга (К. Прибрам), функциональной диффузии, нейронных ансамблях, да и просто режимы интеграции работы гемисфер, осуществляемые посредством соединительных образований мозга (комиссур), разрушают упрощенно-механистическую картину МФА. К тому же кроме праволевой асимметрии в эволюции мозга подспудно развивалась также и продольная асимметрия с аналогичными характеристиками: между передними и задними отделами мозга.

Исследования В. Л. Бианки показывают, что в процессе обработки полученных извне данных участвуют оба полушария. При этом варьируются как отношения доминирования, так и режимы обмена между ними [4; 5]. Многолетние экспериментальные исследования свидетельствуют также о том, что полушарное доминирование меняется в зависимости от последовательности этапов того или иного вида деятельности, от времени суток и экологических условий [4; 5]. Вместе с тем можно с определенностью констатировать, что морфологическая асимметрия нарастает в филогенетическом ряду и более выражена у человека, чем у антропоидов. И, разумеется, выражается она наиболее сильно в неокортикальных структурах: нижнелобной, нижнетеменной, верхневисочной.

Кроме того, здесь ни в коем случае не следует упускать из виду, что помимо сопоставления режимов функционирования гемисфер по отдельности исключительно важное значение имеют также и режимы *их интеграции*. И именно с ними-то, а не столько с развитием функций каждого полушария в отдельности и связано рождение сакраментального надприродного качества человеческого мозга. Не случайно связующая комиссура между гемисферами у человека уже, чем у его эволюционных предшественников. Это обстоятельство продуцирует, по меньшей мере, такие особенности, как существенно более высокий уровень внутреннего напряжения в психической системе, более выраженные формы МФА во всех их проявлениях, нарушение или разрушение интегративных психических связей, присущих животным с компенсаторным усилением функциональной и энергетической нагрузки на сохраняющиеся каналы.

Иными словами, феномен человеческого мышления, который в смысло-генетической парадигме, напомним, раскрывается через концепцию *смыслообразования*, обязан своим рождением не только и даже, быть может, не столько процессам развития гемисфер как таковых и даже не самому феномену МФА, а, прежде всего, *характеру межполушарного взаимодействия* в контексте указанных обстоятельств. Иными словами, психические режимы, давшие начало мышлению в его собственно человеческом измерении (сделаем реверанс этологам), связаны со столкновением и структуризацией право- и левополушарных когнитивных паттернов, протекающих в процессе двусторонней, интегрирующей медиации между гемисферами. Эта необходимость в медиации, дабы не разрушить психическую систему в целом и при этом получить подпитку от общесистемного источника энергии, приходит в противоречие со стремлением гемисфер к обособлению и доминированию, что и создает в системе психики не просто болезненное напряжение, а пружину диалектического развития, диалектическую ситуацию, своего рода «неразвитую напряженность принципа» (Гегель).

Таким образом, функциональное содержание межполушарной асимметрии раскрывается в гораздо более сложном и многообразно обусловленном виде, чем это предполагается постулатом о левополушарном доминировании¹, и может показаться из наблюдений за его простыми внешними проявлениями.

До недавнего времени господствовала точка зрения, согласно которой асимметрия в ее моторном и сенсорном выражении присуща всем позвоночным животным, но межполушарная асимметрия филогенеза не имеет и «является основой психической деятельности человека, возможно морфофункционально закрепленной со времен неандертальцев» [2. С. 4—5]². Что же касается животных, то у них она носит, скорее, стохастический характер. «Животное рождается с симметричными полушариями, но в процессе онтогенетического развития случайные явления окружающего мира, действующие неоднозначно на левое и правое полушария, могут приводить к функциональной асимметрии» [9. С. 66]. Таким образом, у животных существует некий психофизиологический потенциал к проявлению асимметрии функций, но проявляется он главным образом под действием ситуативных внешних факторов или в результате целенаправленной обучающей деятельности человека. Впрочем, работы В. Л. Бианки и его коллег доказывают, что у большинства видов животных все же существует индивидуальная межполушарная асимметрия, а у некоторых также и *видовая*³.

Примечательно и то, что у животных левый мозг функционально связан с моторными функциями. Еще в 70-х гг. была выдвинута гипотеза, согласно которой моторные механизмы левого полушария стали базой для семиотико-символической и дискурсивной деятельности, поскольку были ориентированы на развитие некоторых специфических видов двигательной активности [20; 21], и в том числе тонкой мышечной настройки губ, гортани и языка. Здесь, правда, встает проклятый вопрос о первопричине (если здесь ее вообще правомерно искать): все эти настройки — порождение уже имевшихся изначально способностей левого мозга или сам левый мозг развивался за счет обратных развивающих импульсов двигательных центров? Однако в любом случае важно, что пробуждение сукцессивно-дискретных когнитивных технологий левого полушария в антропогенезе связано с упомянутым стягиванием в мозг снятого (в гегелевском смысле) опыта моторной когнитивности, ибо именно она обретается в пространстве временных длительностей и каузальных зависимостей.

Независимо от того, можно ли считать межполушарную функциональную асимметрию мозга видовым отличием человека от животных, очевидно, что именно антропогенез шаг за шагом эксплицировал весь комплекс нейрофизиологических и, соответственно, когнитивных режимов и возможностей, связанных с этой асимметрией, переводя его из потенциального в актуальный план. При этом полемика когнитивных техник и стратегий — «древних» правополушарных и пробуждающихся левополушарных — стала не только источником патологичности и сумеречности раннего сознания, но и источником его имманентного развития.

Итак, при всех оговорках можно считать установленным, что левое полушарие контролирует дискретизацию информационных потоков, поступающих из окружающего мира, способность к комбинированию смысловых элементов и, соответственно, заведует такими уже собственно культурными программами, как лингвистические, абстрактно-логические и математические, осуществляет операции по формализации и знакообразованию. Правое полушарие, в свою очередь, ведает образно-сенсорными и интуитивно-подсознательными функциями, организует пространственное восприятие и топографическую память. В правом полушарии преобладают функции,

¹ Предельно радикально эта идея выражена у Дж. Эклса, который считал, что левое полушарие является доминирующим не только для языка, но и для концептуального мышления [17].

² У неандертальцев сильвиева борозда, отделяющая височную долю от остальной коры, в левом полушарии более длинная, а в правом сильнее изогнута вверх.

³ Среди человекообразных обезьян МФА совершенно точно зафиксирована у одного из видов горилл [19].

связанные не с аналитическим, а с синкретическим и впоследствии синтетическим восприятием. Это невербальные слуховые, незначимые визуальные, соматосенсорные и моторные сигналы, позволяющие воспринимать внешнюю реальность синкретично, целостно и симультанно, без разделения на составные элементы. И хотя на основе опытов с расщепленным мозгом (Р. Сперри, Дж. Эклс и др.) утвердилась теория «переменной доминативности», согласно которой доминантные отношения меняются в зависимости от выполняемых функций, в общем виде можно утверждать, что «...левое полушарие у людей специализируется на вербально-символических функциях, а правое — на пространственно-синтетических» [4. С. 8]. При этом правополушарное восприятие кучно: после целостного схватывания некоего гештальта концентрация почти спонтанно дрейфует с одного элемента на другой. И, конечно же, особенно важно подчеркнуть, что более древние правополушарные функции ориентированы на адаптацию¹, т. е. именно они служат психическим проводником *программы вписания в среду*, т. е. работают на горизонтальную эволюцию в природе, что, в свою очередь, согласуется с общей ориентацией правого полушария на удерживании психики в континууме когерентных связей. (Поэтому, в частности, еще в 70-х гг. прошлого века было замечено, что правополушарная когнитивность соотносима с фрейдовской сферой подсознательного [18] (см. также: [13].)

Подытожим. МФА есть частное проявление универсального космологического принципа морфологической симметрии и функциональной асимметрии, выступающего эволюционным законом и двигателем межсистемных переходов. МФА в том виде, в каком она сформировалась у человека, определяет органический и неустраиваемый дуализм самой человеческой сущности во всем многообразии ее проявлений и, соответственно, столь же органический и фундаментальный дуализм культуры как принципа надприродной системной самоорганизации. Таким образом, принцип дуализма, имеющий стержневое значение для смыслогенетической парадигмы, уже не может быть представлен как условная методологическая или эпистемологическая выдумка, а обретает под собой объективные, выводимые за рамки спекулятивного философствования основания.

Отношения межполушарного доминирования, помимо локальных уровней, где действует закон «переменного доминирования», выступают фактором, во многом определяющим макропроцессы исторического становления человеческой когнитивности — эволюции самой человеческой субъектности и, соответственно, культурно-цивилизационных укладов. Так, совершенно очевидно, что переход к логоцентризму, тесно связанный с феноменом осевого времени (в наших терминах — дуалистической революцией), отразил утверждение господства левополушарного типа, тогда как современный закат логоцентризма знаменует набирающий силу правополушарный «реванш».

Как можно представить себя режимы полемики и взаимодействия право- и левополушарных когнитивных паттернов? Принято считать, что правое полушарие функционирует в настоящем времени, опираясь на прошлое, в то время как левое — в настоящем с направленностью в будущее (см.: [12. С. 31]). Однако говорить о концептах настоящего, прошлого и будущего в их обычном понимании здесь бессмысленно. Что значит для правой гемисферы «настоящее» и «прошлое»? «Гештальты», которые оно бессознательно считывает, не принадлежат, строго говоря, ни прошлому, ни настоящему. Они просто есть.

Они вспыхивают в переживающей психике как априорная, безусловная и самая непосредственная данность. (Вот почему, не будучи привязаны к пространственно-временным координатам, они с позиций развитого современного сознания предстают размытыми, нечеткими, кучными.) Можно сказать, что потенциальные акты осуществления, усиливая в силу тех или иных причин свою интенциональность, вспыхивают в правой гемисфере, образуя в ней текучий фон бессознательной психической активности. Первичный уровень включения в сознание или, корректнее, предсознание, в обработку

¹ Например, замечено, что в экстремальных условиях среды наиболее успешно адаптируются те, у кого активизируются правополушарные когнитивные функции [7].

считанного «гештальта» — это его энграммирование правым полушарием в эйдетическом *образе*. Здесь, говоря словами Платона, *образ* выступает как *действующее*, а сознание пока еще не более как *страдающее*. Действовать оно начинает, когда бессознательно соотносит новопережитый *образ* (гештальт) с латентно присутствующими в опыте (в образной правополушарной памяти) образцами или аналогами. Вот в каком, и только в таком смысле здесь может присутствовать идея прошлого. Но для самого сознания здесь никакого прошлого нет: все *образы равно актуальны* и присутствуют в настоящем. А настоящее — это не только *теперь, здесь и так*. И даже не *здесь, теперь и так для меня, а для Я-переживающего нераздельность с этим нечто, которое есть это, здесь, теперь и так*.

При этом испорченная «эволюционной болезнью» психика, действующая изначально в русле «исконных» правополушарных режимов, оказывается перед необходимостью снять *дистанцию между актуально рецептируемым образом и его аналогами в памяти*, т. е. *снять в актуальном переживании болезненную дистанцию между прошлым и настоящим, возникшую в результате разбалансировки животной психики и началом ее превращения в сознание*. Таким образом, «грехопадение» сознания было совершено еще правым полушарием, отчего оно, едва расставшись со счастливо-инфантильным нерастояждственным себя и окружающего мира, ввергается в состояние неизбывной омраченности, вызванной постоянной фоновой диссоциацией перцептируемых гештальтов и имеющихся уже в памяти *образцов и моделей*. Попытка снять возникающие при этом проблемы «напрямую» вырабатывает у человека мощнейшую мотивацию к прецедентному мышлению, ориентацию на образец, так или иначе сымитировать утраченную уже эйдетическую способность к прямому энграммированию гештальта или, по крайней мере, делать это «вручную», с помощью минимальных и простейших аналитических процедур мышления. Не случайно в обыденном сознании, опирающемся в своей полусознанной активности преимущественно на правополушарную когнитивность, столь сильны бессознательные установки на копирование образца [24]. Однако полностью избавиться от «омраченности» не удастся, несмотря ни на какие ухищрения мифологического сознания — великого иллюзиониста, разработавшего широчайший арсенал средств для ретуширования разницы (диссоциации) между перцептивными данными внеположенного опыта и априорными внутренними смысловыми конструктами, соответствующими экзистенциально природенным сознанием гештальтам. Эти гештальты оказываются основой мифа и мифологического сознания вообще. И хотя наблюдение Леви-Брюля о господстве мифа над опытом справедливо не только в отношении первобытных народов, одной лишь психологической суггестией этого явления не объяснить. Тем более что суггестивность по мере усложнения структур сознания имеет свойство ослабевать. Но омраченность остается.

Преодоление болезненного зазора *между образами*, актуализируемыми в *опыте* (в памяти, изначально — эйдетической), и *образами* (гештальтами) *налично-перцептивными* (а не преодоления дуализма концептов прошлого и настоящего, как подсказывают модернизаторские привычки!) требует специальной работы по установлению между ними *вторичных ассоциативных связей*. Ранняя психика (детская или раннепалеолитическая), оперирующая преимущественно фигурами эйдетической памяти, еще во многом опирается на неразрушенные механизмы животных психических режимов, и потому выпадение из единого психофизического континуума, где отражающееся и отраженное суть одно, не испытывает в этой связи критического напряжения или испытывает его лишь ситуационно. Но усугубление эволюционной болезни (дальнейший разлад инстинктивных и, следовательно, перцептивных программ) ставит психику перед необходимостью проведения все более сложной работы по вторичному ассоциированию, поскольку *дистанция диссоциированности между считываемыми из когерентного мира гештальтами и элементами опыта становится все больше*. Нарастает, соответственно, и внутренняя диссоциация *между образами*, хранящимися в разделах «долгой» эпизодической правополушарной памяти.

И вот здесь и оказываются востребованы спящие дотоле когнитивные режимы левого мозга. Левополушарные когнитивные паттерны формируются в процессе аналитического дробления исходных целостных правополушарных гештальтов, развинчивания их на вторично ассоциированные корреляты, определяемые, что важно, в пространственно-временных координатах. **Это как априорно вспыхивающий в переживающей психике и преобразуемый правым мозгом в эйдетический образ (позднее в более сложный и комплексно устроенный идеальный образ) гештальт теперь превращается в хотя бы отчасти иноположенную сознанию данность, определяемую в связи с этой иноположенностью в координатах: *здесь, теперь и так*.** Причем между «объективностью» полагания этой данности и развитием линейно-дискретных (сукцессивно-каузальных) возможностей левой гемисферы существует самая прямая связь. (Пока эти связи себя не проявляют, ни о какой рефлексии времени в психике не может идти речи вообще.) Аналитически развинчивая правополушарные когнитивные паттерны и свинчивая их вновь во вторично ассоциированном виде, левополушарная когнитивность осуществляет медиацию между потенциальным и актуальным бытием. Но, в отличие от первичной природной связи, предполагающей простое онтологическое совпадение (повторяемость), отчасти «растрепанное» веером не разрушающих исходные матрицы флуктуаций, эта вновь устанавливаемая на уровне психического ассоциирования связь с необходимостью приобретает временное измерение. Естественным образом возникающая при этом психическая интенция к снятию, преодолению этой временной дистанции и достижению тем самым стабильно-ассоциированного гармонического состояния выражается в бессознательной устремленности в будущее. Она порождает стремление к изменению, «подправлению» как *идеального образа*, который уже есть не «неприкосновенный» и онтологически целостно-неделимый эйдетический гештальт, а «развинченный» левым полушарием конструкт, так и его эмпирического коррелята. Так становящаяся человеческая психика, сталкиваясь с проблемой, незнакомой психике животного, выходит в принципиально иной режим функционирования, основанный на «кооперации» право- и левополушарных когнитивных паттернов, совместно формирующих режим вторичной медиации между когерентным и каузальными мирами в принципиально изменившихся условиях. А из означенной устремленности в будущее (к осуществлению обозначившейся в психике потенциальности) вырастает не только способность к надситуативной активности, но и всякое идеальное моделирование и принцип деятельности вообще.

Итак, кооперация право- и левополушарных когнитивных паттернов рождает СМЫСЛ и собственно *сознание и мышление как таковое*. Как можно представить себе формирование *психического образа*?

В отличие от психики животного, не знающего субъект-объектных противопоставлений, в ранней предчеловеческой психике эволюционная болезнь вызывает специфический *комплекс отпадения*. Одним из его главных проявлений выступает переживание фрустрирующего отчуждения от все более дискретизирующихся феноменов окружающего мира. Единичный элемент этой дискретизирующейся среды и одновременно единица относительно дискретной перцепции в смыслогенетической теории называются *прафеноменом* (не в феноменологическом, разумеется, понимании).

Чтобы пояснить механизм формирования *психического образа*, требуется хотя бы схематично обозначить **общую формулу смыслогенеза**, которая может быть представлена следующим образом:

1. Спонтанные ритмические задержки и разрывы психического потока, связанные с переживанием экзистенциальной пространности и шоком отчуждения.
2. Фиксация психики на внешнеположенном *нечто (иное)* и установление с ним *партиципационной связи* с неосознанной целью преодоления дуализующего отчуждения: *я — иное*.
3. Ситуационное снятие отчуждения путем частичного восстановления всеобщей эмпатической связи через достижение партиципационного единства.

4. Разрыв партиципационной связи и переживание вторичного отчуждения.
5. Создание психического *образа* вторично отчужденного *иного как прафеномена*¹.
6. *Экспликация образа* прафеномена как синкретического единства **вещи и ее кода** и вторичное установление с ним партиципационного отношения, т. е. собственно *рождение смысла*.
7. Коллективная (социальная) апперцепция смысла и его трансляция с последующим прагматическим его использованием в качестве *медиатора* в становящихся субъект-объектных отношениях социального коллектива с окружающим миром.

По необходимости оставляя всю эту схему целиком без комментариев, остановлюсь лишь на пункте, связанном с *психическим образом*.

Вторичное отчуждение от прафеномена в сочетании с рекомбинационными возможностями психики создает возможность абстрагирования и формирования *психического образа* последнего. Какова *природа психического образа*? Почему из необъятного множества комбинаций соится **именно этот образ**? Самый простой и напрашивающийся ответ будет состоять в том, что *психический образ* формируется по закону подобия: свойства прафеномена просто на него переносятся. Но по какому принципу, по каким правилам устанавливаются отношения подобия? Чем руководствуется палеомышление, еще не имеющее тезауруса стандартизованных представлений о вещах? Ведь хорошо известно, что они представляются не такими, какими они физически воспринимаются, а такими, какими сознание их *знает*, т. е. *моделирует* в соответствии с априорно предзаданными культурно-смысловыми клише.

А как обстоят дела тогда, когда эти клише еще не сложились? (Такое восприятие свойственно детям, не имеющим закрепленных представлений о функциональности вещи как целого и воспринимающим ее по отдельным аспектам.) Необходимо нечто, что служило бы неким ядром, центром и одновременно принципом организации дискретных элементов в целостный *психический образ*. Таковым, по моему мнению, выступает «атавизм» той самой всеобщей эмпатической связи, которая, напомню, никогда и ни при каких обстоятельствах не разрывается до конца и проявляется в человеческой ментальности в виде *интенциональности*. Психический «слепок» (энграмма прафеномена), растождествленный со своей физической формой, но «помнящий» свою субстанциальную онтологию, отпечатавшись на «мягкой глине» ранней человеческой психики в момент партиципационного единения, мерцает в ней словно призрак. Этот «онтологический фантом» образует своего рода матрицу, конфигурацию, внутри которой организуются дискретные элементы «живого» *психического образа*.

Память есть и у животных. Но у них она следствие **не распавшейся** еще когерентной связи вещей и явлений. Память животного — это скорее актуализация погруженности в континуум по какому-то конкретному поводу, т. е. скорее припоминание, чем собственно память.

Особое значение здесь приобретают асимметрия прафеномена и его представления в *психическом образе*. Последний есть уже не «оно само» — агент утраченной партиципации, а всего лишь психическая репрезентация тех или иных его аспектов. В отличие от плоского понятия «отражение» здесь представляется уместным употребление таких понятий, как «субстанция» и «модус». Субстанция прафеномена, этой «вещи в себе», модально эксплицируется веером психических образов, закладывая тем самым фундамент будущего смыслообразования. Но об этом будет сказано чуть позже.

Матрица *психического образа* как продукт полураспада всеобщей эмпатической связи есть та самая точка, из совокупности которых постепенно в зо-

¹ Поясню дополнительно, что этот термин в смыслогенетической теории употребляется не в гуссерлианском и вообще не в традиционном философском понимании. Под ним имеется в виду то первичное *иное*, с которым имеет дело психика в состоянии «нашупывания» обратной дороги к утраченной слитности с миром. Прафеномен — это то, что изначально образом нашупывается и чему в ходе долгой эволюции сознания предстоит превратиться в объект в полном смысле этого слова.

нах экзистенциального отчуждения образуется надприродное *пространство культуры*, ее *топос*, вернее, еще не пространство, а лишь **его абстрактная возможность**. Теперь можно говорить уже не о переходной надприродной когнитивности, а о первичных формах мышления, не о психике, а о протоментальности, которая нащупывает дорогу «назад к вещам», заделывая образовавшиеся бреши и лакуны в полуразрушенном природном порядке.

Считается, что психические образы, равно как и ритуальные действия, заложены и в генотипе высших животных [10]. Но природа психических образов у человека все же существенно иная. Это не **непосредственная**, хотя и искаженная проекция внешних реалий на психику, а **вторичным образом сконструированный продукт** психической интенциональности, путем рекомбинации дискретных элементов восстанавливающий, а точнее, *создающий заново модальный образ вещи*, критически оторвавшейся от своей прафеноменальной субстанции. Онтологическая дистанция между психическими образами у животных и у человека связана еще и с тем, что эволюция мозга — это не только рост клеточной массы, физиологическое развитие его органов и усложнение уже имеющих функций. Это и перенастройка клеток на улавливание новых ритмических частот, взамен прежних — нарушенных или ослабленных. Формирующийся в антропогенезе мозг — это мозг, перенастраивающийся на считывание ритмически-волновых колебаний в иных, недоступных (или почти недоступных) животным диапазонах, что кардинальным образом меняет психические режимы, преобразующиеся при этом в когнитивные.

При этом палеомышление еще не догадывается, что это уже не те же самые вещи. Оно, к счастью своему, не видит онтологического зазора между вторично отчужденным прафеноменом и его психическим репрезентантом. Так рождение культуры начинается с обмана, вернее, с манипуляции, знаменующей первый акт проявления субъектности самой культуры, тоже во многом бессознательный, подобный стихийному жизненному порыву организма.

На самом же деле между самоотжественным прафеноменом и его психическим образом пролегла непреодолимая онтологическая граница. Органическая целостность прафеномена распалась безвозвратно, и теперь мышление может конструировать и удерживать те или иные его аспекты лишь в **относительной целостности психического образа**. Эта относительность, в свою очередь, обеспечивает возможность последующей комбинации и рекомбинации составляющих этот образ компонентов, делая тем самым онтологию вещи в смыслогенезе неисчерпаемой. Так на **смену животной сигнальности приходит семантика**.

Становящееся сознание заново переформирует для себя онтологию вещи, «поворачивая» ее то одними, то другими аспектами, формируя при этом и самое себя, ибо через новооткрываемые уже в культурно-смысловой модальности аспекты вещей оно осваивает новые каналы их партиципационного природнения. И если *психический образ* не вполне соответствует своему прафеномену (а полностью соответствовать он, впрочем, никогда и не может), то вполне закономерно возникает психический импульс к приведению самого прафеномена в соответствие с психическим образом. В этом смысле история формообразования есть отражение истории сознания и ключ к ее археологии и реконструкции. Так скелотые камни Олдувая — это еще не формы, а всего лишь абстрактные морфемы, а разница между деструктивной технологией мустье, которая знает лишь раскалывание и расщепление камня до нужных размеров и формы, и конструктивной технологией верхнего палеолита, оперирующей уже специально заготовленными деталями, может многое сказать о путях и характере трансформации раннего сознания. Правда, этот первичный «праксис» по «исправлению» вещей, дабы они могли быть заново природнены и пережиты как часть себя, протекает уже в контексте завершающих стадий смыслогенеза.

Вообще, синкретизм мышления и действия в процессе «поправления» психического образа дают ключ к реконструкции широкого ряда феноменов в раннем культурогенезе: и когнитивных, и технологических. «Технологичес-

кий» диалог с подправляемым прафеноменом (который в ходе этого превращается в артефакт) с необходимостью рождает в палеомышлении две позиции. Первая — анимистическое одушевление означенного прафеномена, т. е. установление с ним партиципационной связи, вторая — извлечение (экспликация) с помощью магических (глядя с внешней стороны, технологических) операций его модальности, соответствующей *психическому образу*, т. е. формы. Так, из бревна, которое **уже изначально** содержит внутри себя лодку, последняя извлекается путем магического диалога с субстанцией дерева и духом, заключенным в этом конкретном бревне. Аналогичным образом в диалоге со стихией камня извлекаются на свет «готовые» формы рубил и других артефактов как корреляты или проекции все более усложняющихся в своих функциональных модусах *психических образов*. В этом смысле прорыв к «демиургической» технологии неолита был поистине революцией в ментальности. Впервые формирование *психического образа* вырвалось из режима партиципационного диалога на короткой дистанции. Теперь человеческая когнитивность овладела полным циклом, включающим в себя отчуждение от некоей духовной субстанции, технологическое уничтожение последней (растирание зерна, плавка руды) и, наконец, технологически многоэтапное превращение вещества — демиургическое творение *не существующей до того в природе новой реальности*. Только такие когнитивные технологии формирования и экспликации *психических образов* могли породить в неолите (и никак не раньше) развитые космологические представления. При этом комплекс психических образов, связанных с глиной как универсальной субстанцией творения, по семантическим рядам самым непосредственным образом связывает магию керамической технологии с архетипальной космологией, где объединяющим началом выступает не только психическая образность, но и сама физическая форма.

Итак, *психический образ в его имплицитном, когнитивном измерении — это еще не сам смысл, но его онтологический фундамент (субстрат), необходимейшее условие его рождения.*

Психический образ должен быть непременно транслирован вовне. Помимо самоочевидных потребностей в установлении информационного обмена между членами сообщества, без которых невозможна ни адаптация к среде, ни осуществление вообще каких-либо жизненно важных программ, необходимость экспликации и трансляции психических образов имеет и другую, специфическую причину. Значительная часть коммуникативных функций продолжает осуществляться по каналам природной сигнальности в бессознательно-автоматическом режиме. Но в поврежденном аритмическими сбоями секторе, где протекают описанные выше процессы, неизбежно накапливается психическое напряжение. Рекомбинация элементов психических образов — процесс энергоемкий и мучительный. Раннему сознанию для синтеза и удержания новообразованных психических конструктов просто не хватает ресурса, прежде всего памяти. Но не памяти вообще, к каковой можно отнести и закрепленные в генотипе инстинкты вкупе с условно-рефлекторной «надстройкой»¹. Речь идет только о памяти, закрепляющей индивидуальный опыт, приобретенный в «секторе отпадения», где происходит вынужденное установление вторичных связей с реальностью. Это, говоря компьютерным языком, «оперативная» память². Таким образом, возникает настоятельная потребность в экстерииоризации памяти, расширении ее ресурса вовне. Так появляются первые **артефактуальные корреляты** элементов оперативной памяти. Еще до верхнего палеолита они предположительно служили подсобными средствами закрепления и трансляции актуального опыта в виде беспорядочных штрихов, царапин, насечек, зарубок, ямок и т. п. Затем ту же

¹ Разумеется, условно объединяя генетически наследуемую и условно-рефлекторную память, следует помнить, что они образуют два разных канала циркуляции информации и, соответственно, выступают источником своеобразного пред-дуализма в животной психике, а также причиной описанных выше сбоев и отклонений. О различении этих двух каналов как внутреннего и внешнего и о близких точках зрения (см.: [11]).

² Объем кратковременной памяти человека измерен в структурных единицах и равен 7 ± 2 (см.: [8. С. 15, 92—96]).

функцию, но уже на ином содержательном уровне выполняли так называемые «парциальные» изображения, где ограниченным количеством штрихов или иных выразительных средств создавался целостный и легко узнаваемый образ. Но это уже в полном смысле слова смысловая деятельность.

Упрощенно говоря, погоня за партиципацией запускает следующую последовательность состояний/действий:

1. Конструируя *образ* прафеномена, психика «отслаивает» от него те или иные его свойства/аспекты, всегда данные в ограниченном наборе.
2. *Несовпадение психического образа с прафеноменом* вызывает разрыв партиципационных переживаний и психологическую травматичность.
3. Снятие травматичности и возврат партиципации обретаются на пути приведения прафеномена в соответствие с *психическим образом*, который служит моделью того, каковыми вещи *должны быть*, точнее, каковы они *уже есть* в пространстве зафиксированного в *психическом образе* партиципационного опыта.

Так рождаются те самые практики, которые с внешней стороны предстают как несвойственное животным преобразование природной среды «под себя». Впрочем, нельзя не отметить, что такие практики первоначально носили стохастический, точечный и маргинальный характер; психике было гораздо удобнее решать проблему «с другого конца» — подстраивать образы вещей, данные в чувственном опыте под внутреннюю идеальную модель. Этим, в частности, и объясняется парадоксальное, на первый взгляд, господство мифа над опытом, подмеченное еще Леви-Брюлем на материале первобытных культур, но проявляющееся, как нетрудно заметить, везде и всегда.

Не следует упускать из виду и то, что зоны экзистенциального отчуждения, в которых протекают смыслогенетические процессы, — это не отдельный и самостоятельный сектор, линейно выделенный из природного психизма и отграниченный от него некими перегородками. Участки аритмических и программных сбоев дисперсно растворены в природной континуальности и носят точечный, фрагментарный характер. Должны были пройти долгие тысячелетия, пока в ходе расширения и углубления смыслогенетических процессов эти разрозненные зоны не организовались во взаимосвязанную систему, достигшую доминирования над природным психизмом, а затем и инкорпорировавшей его внутрь себя. Так, элементы членораздельной речи изначально были не более чем отдельными вкраплениями в поток прямой звукоподражательной сигнальности, лишь постепенно дробя и «перемалывая» его «изнутри» в ходе расширения знаково-семантических функций языка. Потому-то, как известно еще со времен Кассирера, изначальный язык выражал «не мысли или идеи, но чувства и аффекты» [16. Р. 26].

Психический эквивалент прафеномена замещает его в ситуации вторичного партиципационного переживания. Но партиципационная интенция не может быть полностью удовлетворена природнением к «эрзацу», смутным коррелятом в виде психического образа-репрезентанта. Палеомышлению мало сделать этот репрезентант частью своего собственного внутреннего пространства, владеть и оперировать им. Полноценная партиципация требует невозможного — полного природнения не одного лишь «отслоившегося» от прафеномена психического образа, а **прафеномена в целом**, со всей полнотой его модальных характеристик. Выражается это в порыве к *опредмечиванию психического образа посредством деятельности*. Если для нас, носителей автономизованного и во многом замкнутого на себя мышления, психический *образ*, т. е. состояние психики, и его предметный слепок суть вещи, относящиеся к разным онтологическим сферам, то для палеомышления мысль и действие почти неразличимы и, функционируя в неразрывном единстве, легко и незаметно переходят друг в друга. Поэтому для окончательного прорыва в *смыслогенез и культурогенез необходимо было полное созревание всего комплекса психических и физиологических качеств, действующих как единый системообразующий контур*.

Так, возможности предварительного абстрагирования, дискретизации целостных прафеноменальных образов и простейшие операции по их последующей «деконструкции», по-видимому, были доступны и неандертальцу. А морфологические особенности мозга так называемого «прогрессивного» неандертальца указывают на развитие центров, ведающих приспособлением руки к точным и дифференцированным действиям (см.: [14. С. 84; 15]). Но окончательное объединение разрозненных признаков в единую согласованно функционирующую систему произошло лишь у человека современного типа.

Итак, *непосредственные причины, ведущие к экспликации психического образа и рождению смысла, представляют собой глубоко синкретический, монолитный комплекс*: выделить отдельные его аспекты можно лишь с большой долей условности. Основные из этих причин таковы:

1. **Психологическая** — необходимость разгрузки памяти и стабилизация психического режима.
2. **Прагматическая (социальная)** — установление/восстановление коммуникационного поля с соплеменниками для коллективного осуществления жизненно важных программ. (Эта функция была присуща протокультуре лишь в самой минимальной степени и развилась лишь впоследствии к верхнему палеолиту, когда сложение мифоритуальной системы пришло к своему завершению.)
3. **Экзистенциальная** — осуществление медиации между психическим образом и прафеноменом и снятие таким образом онтологической дистанции между ними.

А за всем этим стоит неизбежное стремление вернуться из травматически дуализованного состояния психики в холономный режим партиципационного единства с миром. Впрочем, это положение, как и многие другие в этой статье, следует разворачивать специально.

Article is devoted to a theme of interface neurophysiological and mental — cognitive aspects of origin of sense as basis of culture. In a context of senso-genetic theories of culture which the author develops during several of years, value of cerebral asymmetry, modes of perception and cognitive technologies forming mental structures of cultural consciousness are researched. Treating the beginnings human cognitivity as reaction of mentality to «evolutionary illness» — traumatic separation from general holonomic connections, the author exposes the genera formula of sense origin and the role of the image in this process are opened.

Keywords: sense origin, image, cognitive technologies, cerebral asymmetry, psychical image holonomic connections.

Литература

1. *Алексеев, В. П.* Становление человечества / В. П. Алексеев. — М., 1984.
2. *Аршавский, В. В.* Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности. К проблеме адаптации человека в приполярных районах Северо-Востока СССР / В. В. Аршавский. — Владивосток, 1988.
3. *Бианки, В. Л.* Эволюция парной функции мозговых полушарий / В. Л. Бианки. — Л., 1967.
4. *Бианки, В. Л.* Асимметрия мозга животных / В. Л. Бианки. — Л., 1985.
5. *Бианки, В. Л.* Механизмы парного мозга / В. Л. Бианки. — Л., 1989.
6. *Иванов, Вяч. Вс.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем / Вяч. Вс. Иванов. — М., 1978.
7. *Ильиченок, Р. Ю.* Память и адаптация / Р. Ю. Ильиченок. — Новосибирск, 1979.
8. *Клацки, Р.* Память человека: структуры и процессы / Р. Клацки. — М., 1978.
9. *Костандов, Э. А.* Психофизиология сознания и бессознательного / Э. А. Костандов. — СПб., 2004.
10. *Мак-Фарленд, Д. Д.* Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция / Д. Д. Мак-Фарленд. — М., 1988.
11. *Маршак, Б. И.* Сходные информационные процессы в развитии вещей и эволюции живых организмов / Б. И. Маршак, М. И. Маршак // Количественные методы в гуманитарных науках. — М., 1981.
12. *Меркулов, И. П.* Архаическое мышление: вера, миф, познание / И. П. Меркулов // Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. — М., 1996.
13. *Ротонберг, В. С.* Психологические аспекты внушения / В. С. Ротонберг // Природа. — 1990. — № 7. — С. 87–88.
14. *Якимов, В. П.* Ранние стадии антропогенеза / В. П. Якимов // Происхождение человека и древнее расселение человечества. — М., 1951.

15. Якимов, В. П. Австралопитековые / В. П. Якимов // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. — М., 1966. — С. 79—83. — (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 92).
16. Cassirer, E. An Essey on Man. An Introduction to a Philisophy of Human Culture / E. Cassirer. — L., 1945.
17. Eccles, J. C. The brain and the unity conscious experience / J. C. Eccles // The 19-th Eddington memorial lecture. — L.: Cambridge University Press, 1965.
18. Galin, D. Implications for Psychiatry of Left and Right Cerebral Specialization / D. Galin // Archives of general Psychiatry. — 1974. — Vol. 31.
19. Groves, C. P. Asymmetry in gorilla skulls: evidence of lateralized brain function / C. P. Groves, N. K. Humphrey // Nature. — 1973. — № 244. — P. 51—54.
20. Kimura, D. Special localization in right and left visual fields / D. Kimura // Comedian J. of Psychol. — 1969. — Vol. 23, № 6.
21. Kimura, D. Motor Functions of the Left Hemisphere / D. Kimura, J. Archibald // Brain. — 1974. — Vol. 97.
22. Lateralization in the nervous system / Ed. by S. Harnad, R. W. Doty et al. — N. Y.: Academic Press, 1977.
23. Lewin, K. Vorsatz. Wille und Bedürfnis / K. Lewin. — Berlin, 1926.
24. Smith, E. E. Concepts and Thought / E. E. Smith // The Psychology of Human Thought. — Cambridge, 1988. — P. 19—47.
25. Some General Aspects of Interhemispheric Integration // Interhemispheric Relation and Cerebral Dominance. — Baltimore, 1962. — P. 43—49.
26. Sperry, R. W. Cerebral Organization and Behavior / R. W. Sperry // Science. — 1961. — Vol. 133. — P. 13—22.

«Я-образ»

Марцинковская Т. Д.

«Образ Я» в современном мире: константы и трансформации¹

Обсуждаются изменения в «образе Я», связанные с кардинальными трансформациями, происходящими в современном мире, и влиянием неопределенности и текучести среды на параметры оценки и осознания себя. Анализируются методология исследования «образа Я» в неопределенности, способы преодоления трудностей в осознании себя и построении образа мира и «образа Я» в эпоху перемен, а также возможные стратегии достижения конгруэнтности между ними.

Ключевые слова: «образ Я», трансформации, неопределенность, самосознание, образ мира, самооценка.

Исследования содержания и структуры «образа Я» и взаимосвязи представлений о себе, о мире и других людях были в центре внимания ученых в течение многих веков. Целенаправленно эта проблема начала изучаться с начала прошлого века, с работ В. Джемса, связавшего самооценку (самоуважение) с успехом в деятельности. Появление новых тенденций в развитии психологии в конце XX в., направленных на конвергенцию лучших достижений разных психологических школ, нашло отражение и в содержании концепций «образа Я», т. к. их трансформация происходит в логике не только одного направления, но и более комплексного подхода к психологии личности.

В современной психологии существует несколько понятий, достаточно тесно соотносящихся между собой и по своему содержанию, и по структуре. Это понятия «самосознание», «образ Я», «Я-концепция». При этом подразумевается, что человек способен не только осознать, но и сформировать представления об окружающем мире и о себе, воссоздать их образ. *Совокупность образов окружающей действительности является основой образа или картины мира, существующей у человека.* Совокупность представлений о себе складывается в «Я-концепцию» или «образ Я», причем в «образ Я» входят не только осознаваемые в данный момент личностные качества, мысли и переживания, но и *бессознательные* мотивы, стремления и представления о своих особенностях и характерных чертах. Большая осознанность представлений о себе, своих способностях и потребностях, входящих в «Я-концепцию», не означает, что ее содержание, так же как содержание самосознания, полностью осознано.

¹ Работа поддержана фондом РГНФ, грант № 08-06-00252а.